

Памяти А. А. Кирѣева.

Тринадцатаго іюля исполнилась годовщина со дня кончины почетнаго члена Москов. духов. Академіи генераль-лейтенанта Александра Алексѣевича Кирѣева. Глубокое уваженіе къ его учено-литературной дѣятельности въ области церковныхъ вопросовъ и искреннее чувство личнаго расположенія побуждаютъ меня почтить его память на страницахъ журнала той академіи, которая причислила его къ сонму своихъ почетныхъ членовъ, тѣмъ болѣе, что именно въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ нашли себѣ мѣсто очень многіе изъ его печатныхъ трудовъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Ватиканскій соборъ 1870—1871 г. провозгласилъ догматъ нашей непогрѣшимости, въ средѣ римско-католической церкви появились, какъ извѣстно, многіе просвѣщенные и искренно-вѣрующіе люди, которые выступили съ протестомъ противъ новаго догмата и, отдѣлившись отъ папской церкви, составили самостоятельную церковную общину подъ именемъ старокатоликовъ. Въ нашемъ православномъ обществѣ это оппозиціонное Риму старокатолическое движеніе встрѣчено было многими съ полнымъ сочувствіемъ. Явилось стремленіе ближе познакомиться съ этимъ движеніемъ и въ 1872 г., съ позволенія Государя Императора Александра Николаевича, Святѣйшій Синодъ благословилъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ открыть въ Петербургѣ особый отдѣлъ существовавшаго въ Москвѣ Общества любителей духовнаго просвѣщенія, указавъ этому отдѣлу, какъ его преимущественную цѣль, „поддерживать проборщиковъ православной истины за границею“. Секретаремъ этого петербургскаго отдѣла избранъ былъ А. А. Кирѣевъ.

Этимъ интереснымъ и, можетъ быть, нѣсколько необычнымъ выборомъ молодой военной, состоявшей на придворной великокняжеской службѣ, поставленъ былъ въ такое положеніе, которое побуждало его серьезно заняться научнымъ изученіемъ религіозныхъ вопросовъ и принять близкое участіе въ международныхъ сношеніяхъ, имѣвшихъ чисто церковный характеръ. Чѣмъ тогда обуславливалось такое избраніе,—я не знаю, но послѣдующіе годы блестящимъ образомъ доказали, что оно было въ высшей степени удачнымъ. Широко и философски-образованный, глубоко-религіозный и искренно-преданный православной церкви, А. А. горячо принялъ къ сердцу дѣло старокатолицизма и почти сорокъ лѣтъ, не щадя своихъ силъ и трудовъ, съ пламенной ревностію служилъ этому дѣлу такъ, что для нашего времени и въ особенности для русскаго общества исторія старокатолическаго движенія въ его отношеніи къ православному востоку неразрывно связана съ именемъ Кирьева. Это его служеніе было исключительно дѣломъ убѣжденія и никакихъ личныхъ выгодъ не могло ему доставить. По собственному признанію одного изъ вождей старокатолическаго движенія, проф. Мишо, Кирьеву не было никакого практическаго интереса сблизиться съ старокатоликами, такъ какъ это сблизженіе съ только-что зарождавшейся общиной, мало кому извѣстной, но уже вызывавшей ожесточенную вражду и усиленные преслѣдованія со стороны могущественной папской церкви, могло навлечь на него даже въ политическомъ отношеніи лишь неурядности и огорченія. Совершенно безкорыстны были въ данномъ случаѣ труды А. А. и съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ. Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ напр. всѣ свои многочисленныя статьи А. А. печаталъ безплатно. Единственный гонораръ ему состоялъ лишь въ небольшомъ количествѣ отписокъ, при чемъ эти отписки печатались въ самомъ скромномъ видѣ, и только однажды А. А. попросилъ редакцію сдѣлать нѣсколько экземпляровъ въ роскошномъ изданіи для представленія Государю Императору. Такъ-же безплатно писалъ и переводилъ А. А. для старокатолическаго журнала „Revue internationale de Theologie“. Мало того: этому журналу А. А. изъ своихъ личныхъ средствъ постоянно оказывалъ денежную помощь для покрытия его дефицитовъ, какъ заявилъ печатно проф. Мишо

уже послѣ кончины А. А., ибо скромность покойнаго не позволяла разглашать объ этомъ раиѣ. Не мало пришлось еще израсходовать А. А.—чу на многократныя поѣздки въ разные города Европы и довольно продолжительное пребываніе тамъ при участіи въ конференціяхъ и международныхъ старокатолическихъ конгрессахъ. Въ эти жертвы за идею и труды на пользу святаго дѣла А. А. приносили съ такою готовностію, съ такою безпредѣльной любовью и ревностію, съ такимъ увлеченіемъ, какія рѣдко можно встрѣтить при господствѣ безыдейнаго равнодушія и холоднаго житейскаго разчета. Въ особеннсти трогательно было видѣть, что А. А. даже тогда, когда достигъ уже свыше семидесятипятилѣтняго возраста и когда уже стали слабѣть его физическія силы, въ полной мѣрѣ сохранилъ еще свою пламенную ревность и свое чисто-юношеское увлеченіе излюбленною идеей. Самы старокатолики благоговѣнно изумлялись въ 1909 году, видя какъ замѣтно-слабѣющій старецъ не только смѣло предпринялъ нелегкій подвигъ поѣздки на конгрессъ въ Вѣну, но и проявилъ тамъ выдающуюся энергію по дѣлу сближенія старокатоликовъ съ польскими маріавитами. Восторженныя шпехма А. А. о результатахъ Вѣнскаго конгресса ясно показывали, что въ этомъ глубокомъ старцѣ еще жива была великая сила духа и непоколебимая вѣра въ торжество своей идеи. Эта сила духа побѣдоносно боролась съ изнемогающей плотию даже въ послѣдніе мѣсяцы его жизни. Въ концѣ апрѣля 1910 г. пріѣхала къ А. А.—чу изъ Лондона вѣжно-любимая сестра его О. А. Новикова. Она застала брата сильно больнымъ, но никакая болѣзнь не въ силахъ была удержатъ его отъ горячаго участія въ томъ дѣлѣ, которому онъ почти сорокъ лѣтъ посвящалъ свои лучшія мысли, чувства и силы. Въ это время должны были пачаться засѣданія особой комиссіи, назначенной при Свят. Синодѣ для сношеній съ Роттердамскою комиссіею старокатоликовъ, и А. А. былъ въ числѣ членовъ этой комиссіи. О. А. уговаривала брата повременить участіемъ въ засѣданіяхъ, пока должнымъ образомъ возобновятся подорванныя болѣзнію силы. „Что ты говоришь?! Я поѣду туда на колѣняхъ, чтобы присутствовать. Какъ можно мнѣ не быть тамъ?“ отвѣчала ей А. А. Комиссія стала собираться въ петербургской квартирѣ больного въ

мраморномъ дворцѣ. Когда-же постѣ немногихъ засѣданій ея дѣятельность остановилась, А. А. горько жаловался сестрѣ на крайнюю медлительность и неудовлетворительную, по его мнѣнію, постановку дѣла въ нашихъ сношеніяхъ съ старокатоликами. „Было-бы грѣхомъ молчать, когда я могу еще говорить“—заявилъ онъ и обратился къ Высокопреосвященному предѣдателю коммисіи съ письменнымъ воззваніемъ, предлагая свой планъ надлежащей постановки сношеній и умоляя его спасти то дѣло, которое въ противномъ случаѣ можетъ погибнуть. Это была, можно сказать, его лебединая пѣсня.

Дѣлу сближенія старокатоликовъ съ православною церковію ревностно служилъ А. А. прежде всего своими печатными трудами. Эти труды печатались въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, въ „Revue internationale de Theologie“, въ „Христіанскомъ Читеніи“, въ „Странинкѣ“, въ „Новомъ времени“, въ „Русскомъ Обозрѣніи“, а также въ отдѣльныхъ изданіяхъ папс. Славянскаго Благотворительнаго Общества и др. О размѣрѣ его печатнаго труда можно составить себѣ нѣкоторое понятіе хотя бы по тому одному, что недавно изданный О. А. Новиковой сборникъ статей А. А-ча, помѣщенныхъ только съ 1893 года и только въ „Revue internationale“, съ прибавленіемъ лишь трактата о непогрѣшимости папы и нѣсколькихъ краткихъ писемъ и отзывовъ, составилъ книгу въ 350 страницъ. Если-же собрать все статьи почившаго, то количество страницъ зайдетъ, я думаю, далеко за тысячу.

Главная задача печатныхъ трудовъ А. А-ча состояла въ томъ, чтобы выяснитъ сущность старокатолицизма, съ возможною полнотою и точностію раскрыть его догматическое содержаніе и указать его историческое значеніе какъ самого по себѣ, такъ въ особенности для православной и нашей русской церкви. Осуществляя свою основную задачу, А. А. съ одной стороны—не разъ долженъ былъ серьезно останавливаться на нѣкоторыхъ другихъ, соприкасающихся съ нею, вопросахъ, какъ напр. на вопросѣ объ англиканствѣ и о его сближеніи съ православіемъ, а съ другой—занимаясь изслѣдованіемъ иныхъ, напр. политическихъ вопросовъ, не оускалъ случая указать точку ихъ соприкосновенія съ старокатоличествомъ, какъ напр. излагая и защищая славянофильское ученіе, раскрывать то значеніе, какое можетъ и

должно имѣть старокатолическое движеніе для славянскаго міра. Свои религіозные и политическіе взгляды А. А. раскрываетъ по преимуществу въ полемической формѣ, признавая для себя священнымъ долгомъ при всякомъ серьезномъ на нихъ нападеніи съ чьей-бы то ни-было стороны горячо выступать на ихъ разъясненіе и защиту. Его учеными противниками были: Епископъ Сергій, профессоръ Казанской Академіи Гусевъ и Керенскій, капоники Мейрикъ, Брюнетьеръ, лондонскій протоіерей Смирновъ, берлинскій протоіерей Мальцевъ, кш. Трубецкой, Милюковъ, Розановъ и др., при чемъ его полемика отличалась всегда горячей убѣжденностью, широкой эрудиціей, рѣдкой для челоуѣка, не принадлежавшаго къ числу специалистовъ, смѣлостію сужденій, полнымъ уваженіемъ къ мнѣніямъ противниковъ и замѣчательнымъ благородствомъ и изяществомъ тона, стремленіемъ не допускать ничего такого, что могло бы показаться оскорбительнымъ для противника. Однажды, по поводу нѣсколько прощипскаго замѣчанія проф. Гусева по адресу Кирѣева и его „высокихъ цѣлей“, самъ А. А. такъ говорилъ о себѣ: „Да, цѣли у меня высокія! Да и какія могутъ у меня быть цѣли, кромѣ самыхъ высокихъ, разъ дѣло идетъ о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ разработка условій воссоединенія съ нами западной церкви! Насколько мои усилія способны подвинуть дѣло, приблизить насъ къ цѣли—это другой вопросъ; но конечно и несомнѣнно, кромѣ самыхъ идеальныхъ цѣлей, никакихъ другихъ у меня нѣтъ. И говорить я, къ счастью, могу свободно, какъ думаю и вѣрю. Я не завишу ни отъ какого вѣдомства или начальства, непосредственно заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ; мнѣ не нужно заботиться о томъ, понравятся или не понравятся мои писанія, кому бы то ни было; мнѣ не приходится жалѣть о томъ, что, чего добраго, я пересолить въ своемъ „усердіи“, или что, пожалуй, я заговорить не въ „унионъ“ съ властью имѣющими... Да, цѣли мои высокія: служу я имъ по мѣрѣ силъ; я радъ, что въ столь великомъ и святомъ дѣлѣ мнѣ дано—*parvam, etsi minimam partem, attamen partem esse!*“ Далекое не всегда встрѣчая со стороны своихъ противниковъ спокойное и безинтересное къ себѣ отношеніе, самъ А. А. всячески старается не выходить изъ себя и только въ частныхъ писемъ подъ-часъ позволялъ себѣ горько сѣтовать на это. „У насъ ужасно трудно полемизировать: тотчасъ оби-

лишь кого нибудь“, какъ-то писалъ онъ: „еще Гоголь замѣтить, что мы самая обидчивая нація, а изъ насъ въ особенностн наше „gens vatum“... „Наше неумѣніе полемизировать, пронизирующая придирчивость, возводимая на степень глубокой критики, неумѣніе подвести итогъ своимъ собственнымъ выводамъ, неумѣніе отнестись объективно къ мнѣнію противника—сущая бѣда для развитія нашей научной мысли. Optima argumenta—lapides, въ особенностн у богослововъ нашихъ“. Самъ А. А. въ такихъ свойствахъ полемики повинень не былъ.

Свои религіозные и политическіе взгляды А. А. раскрывалъ съ такою полнотой и опредѣленностію, что мы можемъ составить себѣ о нихъ ясное понятіе и безъ труда привести ихъ въ надлежащую систему.

Исходною точкою этой системы служить мысль, что въ религіи необходимо различать догматъ и богословское мнѣніе. Догматъ обязательенъ для всякаго вѣрующаго члена церкви, а богословское мнѣніе, если только оно не противорѣчитъ догмату, свободно можетъ быть принимаемо или отвергаемо по личному расположенію каждаго, и его принятіе никому въ обязанность вмѣнено быть не можетъ. Догматомъ служить лишь то, что ясно предписано въ Словѣ Божіемъ, во вселенскихъ символахъ и опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ и во что вѣровали всегда, вездѣ и всеѣ, т. е. что было и остается общепризнаннымъ вѣроученіемъ нераздѣленной вселенской церкви. То, что сверхъ этого, можетъ составлять лишь частное мнѣніе, отдѣльныхъ лицъ, хотя-бы иногда и принятое цѣлою помѣстною церковію, но во всякомъ случаѣ не есть догматъ и не имѣетъ вселенски-обязательнаго значенія. Прилагая этотъ критерій къ старокатоличеству, А. А. находитъ, что вѣроученіе старокатоликовъ необходимо признать согласнымъ съ догматами вселенской церкви. Какъ на существенныя догматическія заблужденія старокатоликовъ обыкновенно указываютъ на ихъ нежеланіе отказаться отъ господствующаго на западѣ ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына (Filioque) и на непризнаніе ими въ ученіи объ евхаристіи принятаго у насъ термина „пресуществленіе“ (transsubstantiatio). А. А. доказываетъ, что ни то ни другое не составляетъ отклоненія отъ догматическаго ученія вселенской нераздѣленной церкви. Старокатолики исключили изъ

символа прибавку „Filioque“, признавая ее незаконною; а что касается самаго ученія, въ ней выражаемаго, то они не придаютъ ему догматическаго значенія и настаиваютъ лишь на правѣ свободно принимать его въ качествѣ не противорѣчающаго догмату богословскаго мѣннія, допускавшагося и въ древне-вселенской церкви. Относительно евхаристіи они вполне согласны съ вселенскимъ ученіемъ, признавая „предложеніе“ хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христовы, и по уважительнымъ для запада причинамъ не желаютъ лишь принять терминъ „пресуществленіе“, котораго и древне-вселенская церковь не знала. При такомъ положеніи дѣла и самое единеніе старокатоликовъ съ православною церковію должно состояться не въ формѣ ихъ присоединенія по установленному чину, которое предполагаетъ отреченіе отъ заблужденій, а въ видѣ признанія восточною церковію ихъ православія и въ доущеніи ихъ къ общенію въ таинствахъ съ предоставленіемъ имъ права, принадлежащаго всякой помѣстной церкви, сохранять свои обряды и формы церковной жизни. Такую постановку дѣла многіе считаютъ неправильной и требуютъ, чтобы старокатолики формально присоединились къ нашей церкви, безусловно принявъ не только всю современную систему нашего вѣроученія во всей ея полнотѣ и подробностяхъ, но и все наши обряды и формы церковнаго устройства. Подобныя требованія А. А. находятъ чрезмѣрными и ихъ происхожденіе объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нашей православной церкви не установлена съ надлежащей опредѣленностію та граница, которая отдѣляетъ догматъ отъ мѣннія, вселенское отъ помѣстнаго, существенное отъ несущественнаго, обязательное отъ факультативнаго. Отсюда представители нашей церкви и нашей богословской науки нерѣдко съ полною искренностію готовы придавать догматическое значеніе тому, что на самомъ дѣлѣ совсѣмъ такого значенія не имѣетъ. „Мы вообще хотимъ доказать, что у насъ все хорошо. Если это безусловно вѣрно относительно элемента божественнаго (догматъ и кафоцы, относящіеся до догмата), то это безусловно невѣрно относительно элемента человѣческаго“... „Мы хотимъ защитить все: защищаемъ съ одинаковой энергіей и существенное и несущественное, и догматъ и форму... Мы именно страдаемъ отсутствіемъ критики въ отношеніи выбора того, что мы

должны защищать *per fas et nefas*, за что головы наши должны сложить, и что защищать *не* должны“... Наши полемисты есылаются на „Изложение православной вѣры“ (1672 г.), на „Послание патріарховъ“ (1723 г.) и на такъ называемую „Книгу правилъ“, какъ на документы, имѣющіе непрерываемый догматическій или каноническій авторитетъ, а, между тѣмъ, за первыми двумя нѣтъ основаній признавать вселенское значеніе, „правила“ же, хотя и утверждены вселенскимъ соборомъ, содержатъ въ себѣ много такого, что имѣло лишь временный характеръ и не можетъ имѣть примѣненія по условіямъ современной жизни. Много разъ останавливаясь на этомъ вопросѣ, А. А. въ частныхъ письмахъ своихъ писалъ напр.: „мнѣ кажется, что намъ слѣдовало-бы поднять *тяжелый, но и настоящий вопросъ* о томъ „чему именно православному обязательно вѣрить?“ *Quid sit fidei?* Мнѣ кажется, что главный вопросъ для русской богословской науки состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить это „quid“. Вѣдь у насъ оно *не опредѣлено*“... Несомнѣнно, что мы, православные, правы: но бѣда въ томъ, что мы не умѣемъ какъ-то разобратся въ своей правотѣ. Наше богатство все какъ-бы спрятано, сложено въ кучу, ... въ которой есть много жемчужинъ и драгоценныхъ, самоцвѣтныхъ камней, но еще болѣе всякихъ камней поддѣльныхъ, всякаго хлама и плюшкинскаго тряпья“... Намъ необходимо разобратся во всемъ этомъ, произвести серьезный пересмотръ нашего религіознаго достоянія. „Намъ необходимо, напр., оченить сборникъ правилъ нашей церкви отъ всего временнаго и выдѣлить все существенное“... Въ томъ и заключается, между прочимъ, весьма важное значеніе для насъ нашихъ сношеній съ старокатоликами, что эти сношенія выводятъ насъ изъ нашей самодовлѣющей замкнутости, заставляютъ встрепенуться нашу мысль, оглянуться на самихъ себя, серьезно разобратся во всемъ томъ, чему мы привыкли вѣрить. Но гдѣ-же тотъ высшій религіозный авторитетъ, которому принадлежитъ право, при возникающихъ вопросахъ и сомнѣніяхъ, отдѣлять существенное отъ несущественнаго и указывать то, что обязательно и что можетъ быть предоставлено свободѣ? „Кто осмѣлится это сдѣлать“, говоритъ А. А., „кромя *Вселенской Церкви*, т. е. *Вселенскаго Собора!*“... Мысль о желательности въ настоящее время и даже о необходимости вселенскаго собора не разъ настои-

чиво высказывается у А. А—ча, причемъ созваніе такого собора онъ признаетъ вполне возможнымъ. Вселенскую церковь, по его взгляду, представляетъ теперь только церковь восточная, православная. До Ватиканскаго собора еще возможно было нѣкоторое сомнѣніе по вопросу о томъ, принадлежитъ-ли церковь римская къ составу церкви вселенской; но послѣ 1870 года такому сомнѣнію уже нѣтъ мѣста. Провозглашеніемъ на Ватиканскомъ соборѣ новаго догмата о папской непогрѣшимости римская церковь утѣшилась въ явную и несомнѣнную ересь, а потому, какъ еретическая, съ той поры уже очевидно не можетъ быть признаваема составною частію церкви вселенской. Въ составъ вселенской церкви въ настоящее время входятъ лишь православныя автокефальныя церкви: по каждой изъ этихъ церквей въ отдѣльности, какъ церковь помѣстная, конечно, не обладаетъ свойствомъ непогрѣшимости. Она можетъ заблуждаться, и исторія даетъ не мало примѣровъ того, что въ тотъ или другой періодъ времени нѣкоторыя помѣстныя церкви дѣйствительно впадали въ заблужденія. Не обладая свойствомъ непогрѣшимости, каждая помѣстная православная церковь не можетъ издавать догматическихъ постановленій, а ея каноническія или обрядовыя опредѣленія не имѣютъ вселенскаго значенія и могутъ быть обязательными только въ ея собственныхъ предѣлахъ. Всякаго рода общепоблужательныя для всей церкви постановленія могутъ быть изданы лишь непогрѣшимымъ голосомъ всей вселенской церкви, т. е. всѣхъ автокефальныхъ православныхъ церквей въ совокупности. Въ настоящее время эти помѣстныя церкви, къ сожалѣнію, слишкомъ разбѣднены между собою и между ними нѣтъ почти никакого общенія. Такое положеніе А. А. признаетъ ненормальнымъ и доказываетъ необходимость возможно болѣе тѣснаго ихъ взаимодействія. Онъ глубоко сожалѣетъ о томъ, что давно уже прекратились напр. прежде имѣвшіе мѣсто пріѣзды восточныхъ патріарховъ въ Россію и настаиваетъ на необходимости нашего близкаго знакомства съ восточными православными церквами. Для этой цѣли нужно было-бы посылать на востокъ спеціальныхъ ученыхъ агентовъ для тщательнаго изученія мѣстной церковной жизни и при всѣхъ автокефальныхъ церквахъ имѣть посто-

янныхъ представителей, чрезъ посредство которыхъ поддерживались непрерывныя междуцерковныя сношенія. Этимъ путемъ устанавлилось-бы между церквами надлежащее единство взглядовъ и устранились-бы тѣ, иногда серьезныя, разногласія въ церковной практикѣ, которыя въ настоящее время, къ сожалѣнію, существуютъ. И при существованіи постоянного живого общенія между помѣстными церквами, для постановленія вселенскихъ рѣшеній необходимо всетакъ такой органъ, который служить-бы выраженіемъ непогрѣшимаго голоса всеі вселенской церкви, т. е. всѣхъ помѣстныхъ церквей въ совокупности. Такимъ органомъ всегда была и можетъ быть только вселенскій соборъ, при чемъ не допустима никакая замѣна его опросомъ „ecclesiae sparsae“, какъ это допускается на западѣ, т. е. сборомъ писемныхъ мнѣній помѣстныхъ церквей, безъ созванія ихъ представителей на совмѣстное соборное совѣщаніе. Непогрѣшимый голосъ вселенской церкви составляетъ лишь постановленіе собора законныхъ представителей всѣхъ православныхъ церквей, правильно составленное и принятое съ соблюденіемъ тѣхъ условій, какія выработаны для того въ древней нераздѣленной церкви. Правда, при существующей сложности и раздробленности національной и политической жизни современнаго православнаго міра, созваніе вселенскаго собора представляется дѣломъ труднымъ, требующимъ большой осмотрительности и весьма не малыхъ усилій; но всякій страхъ опасностей и трудностей собора долженъ отступить предъ сознаніемъ его настоятельной необходимости. Цѣлый рядъ серьезнѣйшихъ вопросовъ давно ждетъ авторитетнаго разрѣшенія, каковы напр. вопросы: болгарскій, армянскій, абиссинскій, вопросъ о нашемъ расколѣ, объ отношеніяхъ государства къ церкви въ государствахъ православныхъ и неправославныхъ, объ изданіи катихизиса православной вѣры, утвержденнаго неоспоримымъ авторитетомъ вселенскаго собора, о пересмотрѣ собранія каноновъ и выдѣленіи изъ нихъ вѣчно обязательныхъ и неизмѣнныхъ и т. под. Въ неразрывной связи съ послѣдними вопросами стоитъ и вопросъ старокатолическій, разрѣшеніе котораго прежде всего предполагаетъ точное опредѣленіе того, что именно въ нашей вѣроисповѣдной системѣ должно быть

признано существеннымъ и обязательнымъ, и что можетъ быть предоставлено свободѣ. Когда это будетъ точно установлено высшимъ непогрѣшимымъ авторитетомъ, несомнѣнно состоится и единеніе съ старокатоликами, такъ какъ ясно обнаружится согласіе ихъ вѣрованій съ ученіемъ нераздѣленной вселенской церкви, т. е. ихъ православіе. Ни о какихъ уступкахъ съ чьей-бы то ни-было стороны тутъ рѣчи быть не можетъ. По вопросамъ вѣры между церквами не должно быть никакихъ компромиссовъ: онѣ могутъ быть или въ полномъ единеніи вѣры съ общеніемъ въ таинствахъ, или-же совершенно не признавать другъ друга и быть взаимно-отлученными. Единеніе-же между церквами допустимо лишь при тождествѣ догматическаго ученія. Старокатоликамъ ставятъ въ вину неоднократно нарушеніе этого принципа, указывая на тотъ фактъ, что они вступали въ общеніе таинствъ съ англиканами, т. е. съ лицами несогласныхъ съ ними догматическихъ вѣрованій. Этотъ, по выраженію А. А. —ча, „единственный слабый пунктъ старокатоличества“ онѣ оправдываютъ тѣмъ, что въ данномъ случаѣ старокатолики придерживаются еще римско-католической практики: священникъ рим.-катол. церкви не считаетъ себя въ правѣ отказать въ Св. причастіи человѣку просящему. При этомъ дѣлается такая *praesumptio*, что просящій вѣруетъ тождественно съ священникомъ, пренодающимъ Св. Евхаристію. Если-бы человѣкъ не вѣрилъ въ дѣйствительность лапсего таинства, говорятъ они, то онъ и не обращался бы къ намъ съ просьбою о приобщеніи. Къ такому общенію и были допущены старокатоликами англикане-высокоцерковники; но такая практика допускалась и можетъ имѣть мѣсто только въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ. Что касается взаимно-общенія *церквей*, то и по взгляду старокатоликовъ оно возможно лишь при тождествѣ догматическаго ученія.—На такой именно точкѣ зрѣнія стоитъ А. А. и при обсужденіи вопроса о единеніи англиканства съ православіемъ. Это единеніе возможно лишь тогда, когда будетъ уничтоженъ существующій строй англиканской церкви (*establishment*), характеристической чертой котораго является компромиссъ въ вопросахъ вѣры и благодаря которому въ нѣдрахъ этой церкви одновременно пребываютъ люди далеко не одинако-

вые въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Только постѣ отмѣны такого порядка (disestablishment) и постѣ пересмотра членовъ вѣры“ съ устраненіемъ изъ нихъ всего того, что имѣетъ протестантскій характеръ, можетъ водвориться то догматическое единеніе англиканства съ православіемъ, которое составляетъ необходимое условіе церковнаго общенія.

В. Сѣхоловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
